

Валерий М. Мокиенко*

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра славянской филологии
mokienko40@mail.ru

УДК 811.16'373.7
<https://doi.org/10.18485/slavistika.2024.28.1.3>
оригинални научни рад
примљен 16. 1. 2024.
прихваћен за штампу 25. 9. 2024.

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ БИБЛЕИЗМОВ (*Земля обетованная*)**

Переводы Библии оказали существенное влияние на историю литературных языков Славии. С одной стороны, они укрепляли и расширяли узнаваемость лексики и фразеологии, обусловленную праславянской генетикой. С другой стороны, конфессиональные и другие различия накладывали на такие переводы свою специфику, что приводило к достаточно большой дифференциации лексико-фразеологического фонда библеизмов в славянских языках. Особо действенной при этом оказывалась ориентация на книжную или разговорную норму, избираемую при переводе. В статье такого рода сходства и различия демонстрируются на примере истории библейского фразеологизма *земля обетованная*, который в русском языке имеет высокую (книжную) стилистику и положительную семантику, а в современных публицистических текстах обнаруживает стилистический перепад, становясь своего рода журналистской перифразой, обозначающей государство Израиль.

Ключевые слова: славянские переводы Библии, библеизмы, крылатые слова, библейское выражение *земля обетованная*.

Bible translations had a significant impact on the history of the literary languages of Slavia. On the one hand, they strengthened and expanded the recognition of vocabulary and phraseology due to Proto-Slavic genetics. On the other hand, confessional and other differences imposed their own specifics on such translations, which led to a fairly large differentiation of the lexical and phraseological fund of biblical words in Slavic languages. Particularly effective in this case was the orientation towards the bookish or colloquial norm chosen during translation. The article demonstrates similarities and differences of this kind using the example of the history of the biblical phraseological unit Promised Land, which in the Russian language has high (bookish) stylistics and positive semantic

* <https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

** Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00252, реализуемый в период 2023–2025 гг. в Санкт-Петербургском государственном университете) в рамках проекта «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов)».

charge, and in modern journalistic texts it reveals a stylistic difference, becoming a kind of journalistic periphrasis denoting the state of Israel.

Keywords: Slavic translations of the Bible, biblicalisms, winged words, biblical expression *promised land*.

Введение

Известно, какое судьбоносное влияние на историю литературных языков Европы, в том числе и Славии, оказали переводы Библии. С одной стороны, они укрепляли и расширяли узнаваемость лексики и фразеологии, обусловленную праславянской генетикой. С другой стороны, конфессиональные и другие различия накладывали на такие переводы свою специфику, что приводило к достаточно большой дифференциации лексико-фразеологического фонда библеизмов в славянских языках. Особо действенной при этом оказывалась ориентация на книжную или разговорную норму, избираемую при переводе. Библейское наследие в европейских языках давно уже привлекает разностороннее внимание теологов, мифологов, культурологов, лингвистов и представителей других гуманитарных наук. Многие из таких работ обозначены в нашей монографии «Наследие Библии в языках и культурах народов России» (Иванов, Маслова, Мокиенко 2022), в которой представлена обширная (около 400 публикаций – сс. 366–404) библиография таких исследований.

При том, что комментирование текста Библии является одним из древнейших и традиционнейших занятий филологов, многие аспекты этой сложной проблематики до сих пор относят к недостаточно разработанным. Такковы, в частности, вопросы о специфике усвоения конкретными языками тех элементов, которые восходят к тексту Библии, о характере их дальнейшего развития в каждом из этих языков и др.

В какой-то степени язык Библии – это язык «в себе», своеобразный духовный код, объединяющий народы христианских культур. Вот почему переводчикам, несмотря на разные традиции, передача библеизмов, содержащихся в тексте переводимого произведения, даётся намного легче, чем перевод иных языковых элементов – имён собственных, идиоматики и других единиц, относимых к области «непереводимого в переводе». Тем более значимы с точки зрения сравнительного изучения литературных языков те расхождения, которые наблюдаются именно в области лексико-семантических явлений, восходящих к общему источнику – тексту Священного Писания. Такие расхождения во многом определяют специфику национальной адаптации библеизмов, их фразеологизацию и паремиологизацию в отдельных языковых системах (Мокиенко 2018). При общности источника библеизмов в языках, находящихся под влиянием христианской культуры, обна-

руживаются большие различия в составе этих единиц как в количественном, так и в качественном плане (Baláková, Kováčová, Mokienko 2020). Показательно, что даже в таких близкородственных славянских языках, как польский и кашубский, подверженных общему католическому влиянию, подобные различия весьма ощутимы (Treder 1989: 127–156).

Основная часть

Русский язык, в котором православная вера с ориентацией на церковнославянские сакральные тексты гармонически сближалась с общеевропейской культурой и влиянием польского, французского, немецкого и других языков, обнаруживает здесь специфичные особенности. По мнению В.Г. Гака, эта специфичность проявляется именно в сочетании книжно-церковного и разговорного (навеянного во многом кальками с европейских языков) начал, значительно обогатившем фонд русских библеизмов (Гак 1997а; Гак 1997б). Количественно он превосходит поэтому корпус библеизмов французского языка. И действительно, материал «Толкового словаря библейских выражений и слов» (ТСБВС 2010) показывает, что русские библеизмы представлены именно в этих двух ипостасях, связанных как с историей книжной культуры на Руси, так и историей русского языка послепетровского периода.

Как известно, в русской православной церкви в качестве языка богослужения используется церковнославянский перевод Библии, восходящий к кирилло-мефодиевскому и естественно претерпевший в ходе многовекового развития немало редакторских замен, направленных на унификацию текста и приближение его к русскому литературному и народному языку. В 1816 году впервые был издан текст русского Евангелия, а в 1876 году на русском языке впервые появился полный перевод Библии, утверждённый священным Синодом (Логачев 1991). Понятно, что библеизмы, издревле проникавшие в русский литературный язык, входили в него первоначально в церковнославянской форме. По мере же вытеснения из литературного обихода старославянизмов и замены их собственно русскими формами библеизмы также подвергались этому процессу.

На форму библеизмов в русском языке несомненно наложило отпечаток и функционирование с XIX века двух переводов Священного Писания – церковнославянского и русского, так называемого синодального. Этим частично объясняется вариантность библеизмов, совмещение в одном выражении церковнославянизмов и чисто русских фонетических и грамматических черт и т.д. Сохранились и такие единицы, которые возводимы лишь к тексту церковнославянского перевода. Таково, например, выражение *глас вопиющего в пустыне* ‘о тщетном, напрасном призыве к кому-, чему-л.’, восходящее к словам Иоанна Крестителя: «Он (Иоанн Креститель) сказал: я *глас вопиющего*

чего в пустыне: исправьте путь Господу, как сказал пророк Исаия» (Ио 1, 23; также см.: Ис 40, 3; Мф 3, 3; Мк 1, 3 и др.). В русском языке оно сохраняет и архаичную старославянскую фонетическую тональность (неполногласие), и высокую книжную (resp. публицистическую) специфику. В других же славянских языках стилистическая амплитуда этого выражения весьма широка – от книжно-торжественного до разговорно-просторечного: белор. (*марны*) *лямант (голос) у пустыні*; укр. *голос волаючого в пустелі*; польск. *głos wołającego na pustyni*; словацк. *hlas volajúceho na púšti*; чеш. *hlas volajícího na poušti*; серб. *glas vapujuћeg u pustinji*; хорв. *glas vapijuћeg u pustinji*; словен. *glas vpijoћega v puščavi*; болг. *глас на викация в пустинята*; мак. *глас (на оној што вика) во пустина*. Сама такая современная стилистическая градация – это довольно точный слепок истории переводов Священного Писания на соответствующие языки с различиями и их взаимодействия с первоисточником. И, естественно, истории (иногда многолетней) адаптации библеизмов в художественных и публицистических текстах.

Русский язык, в отличие от других европейских, воспринял через церковнославянские переводы и немало заимствований из греческого, которые приобрели в литературном и речевом употреблении маркированную стилистику и семантику и потому обрели статус библеизмов. Таким образом, практически ни один из европейских языков – в том числе и ни один язык славянский – не изоморфен по составу библейских крылатых слов и выражений. И поэтому корпус библеизмов любого национального языка следует рассматривать не только как интегрирующий, общеевропейский ресурс, но и – как это ни парадоксально – источник национальной специфики, отражающий культурологическое и языковое своеобразие того или иного народа, принадлежащего к христианскому миру.

Русский язык, например, в этом отношении не только не исключение, но и своеобразное «правило». Как показывает специализированное словарное описание русских библеизмов в одноязычном (ТСБВС 2010) и двуязычном (DRWBF 2009) словарях, их корпус значительно отличается от состава подобных языковых единиц в других языках.

Универсальность символики Священного Писания, с одной стороны, обусловила общность символического кода многих библейских слов и выражений для всего европейского и тем более славянского языкового пространства. Этот код подкреплялся и европеизировался благодаря буквальному переводу многих библеизмов с немецкого, французского и других языков на славянские языки. С другой стороны, глубокая историческая привязанность к православной традиции и старославянскому тексту Библии в русском языке наложила свой отпечаток на специфику библеизмов, чего нет, например, в западнославянских языках. Симбиоз «своего» и «чужого», вообще весь-

ма значимый для русской лексики и фразеологии, значительно обогатил состав библеизмов и сделал многие из них структурно, семантически, стилистически, а тем самым и национально маркированными.

Одним из результатов такого симбиоза являются библеизмы-«консерванты» с затемнённой внутренней формой или архаичной языковой структурой. Особая экспрессивность здесь генерируется оппозицией между их всем известной синхронной семантикой и активной употребительностью, с одной стороны, и загадочностью, затемнённостью их диахронического содержания и формы, с другой стороны. Таковы выражения *на злобу дня, вносить лепту, темна вода во облацех, глас вопиющего в пустыне, видеть сучок в чужом глазу (и не видеть бревна в своём)* и т.п. Несмотря на общность источника, большинство славянских и неславянских языков не образуют соответствующих библеизмов в том же семантическом, стилистическом и частотном диапазоне, как в русском. Говоря словами В.Г. Гака, ситуация здесь такова: «библеизмы существуют практически во всех языках, но это не всегда одна и та же фразеологическая единица» (Гак 1997а: 55). Различия в их восприятии, стилистической тональности и контекстуальной привязке могут придавать библеизмам различный смысл и оттенок в зависимости от культурных и лингвистических особенностей языковых сообществ.

Парадоксальность употребления и восприятия таких библеизмов в русском и других славянских языках определяется прежде всего оппозицией – «актуальность vs. неактуальность». Именно она обеспечивает довольно большой группе этих единиц особый функциональный статус и семантическую амбивалентность. С одной стороны, большинство из них отличается довольно высокой частотностью, что свидетельствует об их актуальности в современном употреблении. С другой стороны, будучи узнаваемы и употребляемы на синхронном уровне, многие из них не идентифицируются говорящими диахронически. Тем самым библеизмы оказываются и в зоне третьей, более общей языковой оппозиции – «синхрония vs. диахрония», которая создаёт их особую экспрессию.

Сопоставление массива славянских библеизмов с библеизмами других языков свидетельствует об их известном параллелизме. Но более существенно то, что сопоставляемые литературные языки (например, русский, с одной стороны, чешский и словацкий или чешский и немецкий – с другой (Лилич, Мокиенко, Степанова 1993; Яцевич 2003) заметно противопоставлены вследствие разных переводческих традиций. Западнославянские и немецкий тексты Библии восходят к латинскому посреднику, русские же находятся в рамках византийской традиции.

Разумеется, различиями переводческих традиций далеко не исчерпываются внешнеязыковые и внеязыковые факторы, влияющие на характер би-

блеизмов в разных языках. Неодинакова вся социально-культурная среда их бытования в «греко-славянском» ареале (*Slavia Otrhodoxa*) и в ареале «славяно-латинском» (*Slavia Latina*) и германском (Толстой 1988: 188). Имеют значение особенности конфессиональной ориентации носителей разных языков; различия во взаимодействии христианских представлений с дохристианскими, языческими, у разных народов; специфика языковой ситуации в разные исторические периоды (например, наличие, характер и степень распространённости билингвизма) и др. В сочетании с этими факторами проявляются собственно языковые, внутренние тенденции и закономерности лексико-семантического развития, что и приводит к тем или иным расхождениям в форме, семантике и употреблении библеизмов в разных языках.

Нередко импульс к таким расхождениям задаётся семантическим синкретизмом самого первоисточника – текста Книги книг. Такой синкретизм, естественно, обеспечивает образную узнаваемость библеизмов в разных языках, но в то же время даёт и достаточно ощутимые – пусть и не всегда опознаваемые на первый взгляд – различия, обусловленные их функционированием в конкретных литературно-публицистических текстах. Попытка лексикографически выявить и лексикографически продемонстрировать эти различия была предпринята группой фразеологов из разных стран (Лепта 2018). Этот словарь включает 130 крылатых выражений и афоризмов из Библии или восходящих к Библии, наиболее известных в современном русском языке (русскоязычная часть словаря подготовлена В.М. Мокиенко), и их соответствия в современных десяти славянских и восьми неславянских европейских языках – белорусском (подготовил Е.Е. Иванов), болгарском, македонском (Н. Прасолова-Милчовска), польском (Э. Коморовска), сербском (Д. Дракулич-Прийма), словацком (Д. Балакова), словенском (Э. Кржишник), чешском (Н. Райнохова, Я. Шинделаржова), украинском (Н.Ф. Венжинович), хорватском (Ж. Финк-Арсовски), а также английском (М.С. Гутовская), немецком (Х. Вальтер), шведском (А.С. Алёшин), испанском (М. Руис-Соррилья), итальянском (А. Морпурго), французском (А.С. Макарова), армянском (А. Саркисян) и грузинском (З.К. Адамия, протоиерей М. Чабашвили). В избранных для сопоставления библеизмах обнаружилось сходства и различия, отражающие историю и динамику освоения текстов Священного Писания соответствующими народами.

Продemonстрируем некоторые из них на примере библейского фразеологизма *земля обетованная*. Его происхождение хорошо известно и источник, естественно, точно документирован. В Библии выражение обозначает обещанную (ст.-сл. *обетованную*) землю Ханаанскую (область в Палестине), куда Бог, выполняя свое обещание, привел потомков Авраама – евреев из Египта, где они томились в плену. Согласно библейскому мифу, Бог сказал

Моисею, что приведет евреев в «землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед» (Исход, 3, 8 и 17). *Обетованной землей* Палестина названа в Послании к Евреям (11, 9). (ТСБВС 2010: 220-222; Лепта 2018, 1: 118–124). Выражение известно всем славянским языкам: бел. *зямя (краіна) обяцаная*, укр. *обітована (обітна) земля (країна), обітований (обітний) край*; пол. *obiecana ziemia*, чеш. *země zaslíbená*, слвцк. *krajina zaslúbená*, серб. *обећана земља*, хорв. *obećana zemlja*, болг. *обетована земя*, макед. *ветената земја*. Ср. также: лит. *pažadėtosisios žemės*, латыш. *apsolīto zemi*; англ. *promised land*, ит. *la terra promessa*, исп. *la tierra prometida*, португ. *la terra prometida*, фр. *la terre promise*; иврит. *אֶרֶץ מְבֹרָחָה* и др. При всем формальном сходстве, однако, это выражение имеет и различную употребительность, и различные стилистические нюансы, и различную ассоциативность, корни которых – в истории соответствующих переводов Библии и судьбе библеизмов. Такого рода нюансы вскрываются при контекстуальном анализе каждого из них в конкретном языке. Некоторые различия на общеевропейском языковом пространстве обусловлены семантической и стилистической динамикой соответствующего глагольного компонента. Так, рус. *обетованная земля*, как и в старославянском, означает «обещанная (Богом) земля». Немецкая же *das Gelobte Land* семантически весьма отличается от этого фразеологического ряда, причиной чего может быть как смысловой синкретизм в языке-источнике, где значения «обещанный» и «хвалёный» обозначались одним и тем же словом, либо полисемией немецкого глагола *loben*, который в прошлом имел более широкий семантический диапазон. Ср. современное *etw. ausloben* (напр., *einen Preis*) – ‘объявлять, назначить приз, премию, выигрыш’, в котором актуализируется именно старое значение ‘обещать’ (Walter, Mokienko 2011: 265).

В русском языке наше выражение имеет высокую (книжную) стилистику и положительную семантику – ‘место, куда кто-л. страстно мечтает и стремится попасть’, ‘предмет страстных желаний, устремлений, надежд и т.п.’, ‘место, где царит довольство, изобилие, счастье’. Ср. также выражения *страна обетованная* и *небеса обетованные*, сохраняющие эту высокую стилистику благодаря старославянскому по происхождению глаголу *обетовать*. В большинстве славянских языков этот глагол сохраняет нейтральную стилистику, а некоторую торжественность таким выражениям придает хорошо известный сюжет Священного Писания: бел. *зямя (краіна) обяцаная*, пол. *obiecana ziemia*, чеш. *země zaslíbená*, слвцк. *krajina zaslúbená*, серб. *обећана земља*, хорв. *obećana zemlja*, болг. *обетована земя*, макед. *ветената земја*. Украинское же выражение, как мы видели, представлено в двух стилистических вариантах: *обітована (обітна) земля (країна), обітований (обітний) край*.

Посмотрим, как характерная для русского языка стилистическая гамма иллюстрируется конкретным контекстуальным материалом.

В русском литературном языке выражение известно с древнерусских времен, отражаясь с памятниках с XI в. как обозначение Палестины, обещанной Богом еврейскому народу при выходе его из Египта. При этом оно употреблялось и в вариантах *земля обѣтная* (Изборник Святослава 1073 г.) и *земля обѣтования* (Пролог XV в.) именно как библейский топоним (СлРЯ XI–XVII вв.: 12: 40). Переносное же значение – ‘о чем-л. желанном, предмете надежд, желаний’ – этот оборот развивает лишь с XVII в., судя по его фиксации в челобитной дьяка Игнатия около 1676 г.: «Аще кто ни зло страдав тако, люто же есть, воистину люто, свою первую доброту отложить, *земли обетованной духовной*, и единому земному запустению страдати вышнему малым чим единому» (там же: 40–41). С XVIII в. этот библейский фразеологизм употребляется уже в трех значениях: ‘Палестина, в которую, по библейскому сказанию, Бог привел евреев из Египта’; ‘плодородная, плодоносная земля’; ‘место, где царит довольство, изобилие’ (СлРЯ XVIII в. 15: 232–233).

В литературном языке XIX века наш оборот также нередко употребляется в ассоциативной привязке к библейскому сюжету. Вот несколько таких контекстов из собрания М.И. Михельсона (1903, 1: 728–729):

Еще далека та страна, Где протекают реки медом... Не вам дано в ней отдохнуть, Кончая подвиг жизни бранной... Но хорошо окончить путь В виду *земли обетованной*. Омулевский. К молодому поколению.

Грезится ему, что он достиг той *обетованной земли*, где текут реки меду и молока, где едят незаработанный хлеб, ходят в золоте и серебре. Гончаров. Обломов.

Мы – израильтяне, блуждающие по степи, которым никогда не суждено узреть *обетованной земли*. В. Г. Белинский.

В то же время этот библеизм уже давно развивает переносные значения, обозначая разные топосы – например, Петербург, Дрезден или Правобережную Украину, заселявшуюся русскими крестьянами со времен Екатерины II-й:

Он молча и задумчиво указал рукой вдаль... там, между полей, змеей вилась дорога и убегала за лес дорога в *обетованную землю*, в Петербург. Гончаров. Обыкновенная история.

Столица мирная искусств и общежитья, *Обетованный край*, избранный уголок, Где бурь народных шум, где грозных дней события Прошли, как невзначай ворвавшийся поток... Кн. П. А. Вяземский. Дрезден.

Семья потянулась от родных степей заволжских далеко-далеко, к цветущей заднепровской Украине, к этой *обетованной земле* великорусского крепостного, убегавшего от своей горегорькой жизни. Лесков. Обойденные.

Эти две доминирующие линии развития семантики нашего библеизма, подмеченные М.И. Михельсоном, актуальны и в современном русском литературном языке, что регистрируется и нашими специализированными словарями фразеологии и крылатых слов (ТСБВС 2010: 320–322; БМШ 2008, 1: 406–407; Мелерович, Мокиенко, Якимов 2016: 208–209). При этом об активности употребления библеизма свидетельствуют и разного рода актуализации семантики и лексическая варьированность. Вот несколько характерных иллюстраций:

I. Обозначение Палестины, куда Бог привёл евреев из египетского плена.

Про дом свой он (Н.Лукашевич) знал так, как евреи знали, живя в Египте, про *обетованную страну*, - что там есть что-то, кипящее молоком и мёдом. На самом же деле, этой страны он не знал, он только мечтал о ней. Ф. Плевако. Речь по делу Лукашевича.

Земля, земля! - хочется кричать в упоении. - Вот она: не текут в ней, как в библейской *обетованной земле*, мёд и молоко, не зеленеют, как сочный лист, пастбища, не шумят, как могучие водопады, леса. Р. Кумов. Земля.

*... Там остановился Моисей и увидел с горы *страну обещанную, страну обетованную*, жёлтую, соляную, серебряно блестящую на свету, зелёную, цветущую, усыпанную по весне кровавыми маками, звёздчатыми анемонами, страну, текущую молоком и мёдом... Т. Толстая. Туристы и паломники, 1999.

II. *Высок*. Место, край, куда кто-л. страстно стремится попасть, где царит довольство, изобилие, счастье.

«Там, в этой чудесной стране (Сибири): картошка - двугривенный, хлеб - четвертак, мясо - три копейки, лес - даром бери». В таком съедобном стиле рисуют себе синюю птицу и *страну обетованную* люди земли, оторванные от неё. М. Пришвин. Моя страна.

Бла-алепие, милая, бла-алепие! Красота дивная! Да что уж говорить! В обетованной земле живёте! А. Островский. Гроза.

Освежала Италия, куда, как в *страну обетованную*, неудержимо влекло и откуда всегда возвращались напоенные красотой и поэзией. Б.Зайцев. Молодость - Россия.

* Так вот, наступил «час» романа о войне... Это большая, сложная работа, рассчитанная не на год, совпала с переездом из Вологды в Сибирь, в родные красноярские места, в милую сердцу Овсянку. Высадившись на «*обетованный берег*», о чём давно мечтал, я обрёл на склоне лет какое-то хотя бы в житейском смысле успокоение. В.Астафьев. (ЛГ 25.04.1987, с.7.)

* Ещё один шаг, последний, третий, и вот его милый ночной *обетованный край* – кухня. С. Есин. Гладиатор.

III. Высок. (часто в сравн.). О желанной, но трудно достижимой цели.

Об учительском месте он мечтал вслух, *как об обетованной земле*. А. Чехов. Перекати-поле.

Мы отброшены в прошлое, из которого советский период русской истории смотрится как будущее, *как земля обетованная*. Сов.Россия, 1998, 17 дек.

IV. Публ. часто ирон. Об Израиле.

Речь в этих предпасхальных заметках пойдёт об Израиле. Обещая не вдаваться в политические перипетии этого, как принято выражаться, напряжённого, взрывоопасного и прочая-прочая региона, а просто передать ощущения и впечатления дилетанта, впервые увидевшего своими глазами *землю обетованную*. В. Лопахин. Открытая виза.

Число лиц еврейской национальности, решивших покинуть *«обетованную землю»*, согласно данным Центрального бюро статистики Израиля за последние 12 месяцев превысило 15 тысяч человек. Известия, 1983, 20 сен.

Иерусалим стал столицей евреев, не только тех, кто проживал на *земле обетованной*, но и тех, кто был рассеян по чужим землям. В. Тендряков. Покушение на миражи. Новый мир, №4, 1987.

Когда народ Израиля заселяет *обетованную землю*, в нём пробуждается не всегда осознанная, но тем более сильная тоска по своей этнической религии. В. Микушевич. Дух дышит, где хочет. Родина, №4-5, 2002.

Как видим, контексты показывают, что в русском языке выражение *земля обетованная* стилистически синкретично: оно объединяет полюса высокого (книжного, торжественного) и низкого (ироничного), обнаруживая в современных публицистических текстах стилистический перепад, становясь своего рода заезженной перифразой, обозначающей государство Израиль. Тем не менее, его высокая стилистика, генетически заложенная в сакральном тексте, преобладает. Свидетельство тому – употребление библеизма в поэтических текстах, где оно нередко взмывается на недостижимые стилистические высоты:

Но труден путь - шумит вода
 Чернеет лес, молчат поля...
Обетованная земля –
 Недостижимая звезда...
 А. Блок. Стою на царственном пути...

Разомкните ряды, всё же мы корабли,
Всем нам хватит воды,
Всем нам хватит земли
Этой обетованной, желанной
И Колумбовой, и Магеланновой.
В. Высоцкий. Песня к кинофильму «Земля Санникова».
Моя земля обетованная,
Мой остров, мой утлый плот, моя спасительная шлюпка
Над штормовую глубиной девятибалльной,
Меня несущая меж Сциллой и Харибдой
На свет маячный, одинокий свет зеленый
Горящей за полночь моей настольной лампы.
Юр. Левитанский. Кровать и стол, и ничего не надо больше.
В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не берedit,
Не кажется обетованным раем.
Но делаем её в душе своей
Предметом купли и продажи,
Страдая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.
 Да, для нас это *грязь* на калошах,
 Да, для нас это *хруст* на зубах,
 И мы мелем, и месим, и крошим
 Тот ни в чём не замешанный *прах*.
Но ложимся в неё и становимся ею,
Оттого и зовём так свободно – своею.

А. Ахматова, Родная земля

Заключение

Как видим, в процессе адаптации к конкретным языковым системам выражение *обетованная земля* может обрести и дополнительные коннотации, и некоторые своеобразные (по выражению Б.А. Ларина) «обертонны смысла», и стилистическую маркировку, специфическую для того или иного языка. Но при всех таких различиях это выражение, естественно, сохранило и дух, и букву соответствующего места сакрального текста. Вспомним его еще раз – в несколько расширенном варианте и в звучании сербского языка, перевод Библии на который был осуществлен Джуро Даничицем и Вуком Караджичем:

И сиђоџ да га избавим из руку Мисирских, и да га изведем из оне земље у земљу добру и пространу, у земљу где млијеко и мед тече, на мјесто гдје су Хананеји и Хетеји и Амореји и Ферезеји и Јевреји и Јевусеји. (2 Мој 3, 8)

Вјером дође Аврам у земљу обећану, као у туђу, и у колибама живља-ше с Исаком и с Јаковом, сунашљедницима обећања тога. (Јевр 11, 9)

В этом кратком фрагменте Ветхого завета, как мы видим, сокрыта очень актуальная для нашего новейшего времени информация. Ведь земля, обетованная Моисеем его соотечественникам, которые вырвались из египетского пленения и 40 лет скитались в пустыне, питаюсь манной небесной, не пустовала. Она была уже несколько тысячелетий заселена разными племенами, обреченными жить по-соседски. «Земля добра и пространа, где млијеко и мед тече» была таковой, ибо ее уже возделывали «Хананеји, Хетеји, Амореји, Ферезеји, Јевреји и Јевусеји» до того, как ее обетовал переселенцам-жителям шатров из Египта великий пророк Израиля Моисей. И если бы эти племена договорились с пришельцами о мире уже в те ветхозаветные времена, то молока и меда в Палестине было бы сейчас намного больше и наверняка всем бы хватило. Именно этой древней мудрости, как мне кажется, и учит нас библейское сказание о земле *Обетованной*.

Использованная литература

- Гак, Владимир Г. «Специфика библейской фразеологии в русском языке». [В:] А.М. Lewicki i W. Chlebda (red.) Problemy frazeologii europejskiej II. Frazeologia a religia. Warszawa: Energeia. 1997a, 95–103.
- [Gak, Vladimir G. «Spetsifika bibleyskoy frazeologii v russkom yazyke». [V:] A.M. Lewicki i W. Chlebda (red.) Problemy frazeologii europejskiej II. Frazeologia a religia. Warszawa: Energeia, 1997a, 95–103]
- Гак, Владимир Г. «Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами)». Вопросы языкознания 5, 1997б: 55–65.
- [Gak, Vladimir G. «Osobennosti bibleyskikh frazeologizmov v russkom yazyke (v sopostavlenii s frantsuzskimi bibleizmami)». Voprosy yazykoznaniiya 5, 1997b: 55–65]
- Иванов Е.Е., В.А. Маслова, В.М. Мокиенко. Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси. Москва: РУДН, 2022.
- [Ivanov Ye.Ye., V.A. Maslova, V.M. Mokiyyenko. Naslediye Biblii v yazykakh i kul'turakh narodov Rossii i Belarusi. Moskva: RUDN, 2022]
- Лилич Галина А., Валерий М. Мокиенко, Людмила И Степанова. «Библеизмы в русском, чешском и словацком литературных языках». Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение 3, 1993: 51–59.

- [Lilich Galina A., Valeriy M. Mokiienko, Lyudmila I. Stepanova. «Bibleizmy v russkom, cheshskom i slovatskom literaturnykh yazykakh». Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya, yazykoznanie, literaturovedeniye 3, 1993: 51–59]
- Логачев, Константин И. «Русская Библия вчера, сегодня и завтра». [В:] Евангелие. Перевод с древнегреческого священника Православной Церкви о. Леонида Лутковского. Москва: Дружба народов, 1991, 287–295.
- [Logachev, Konstantin I. «Russkaya Bibliya vchera, segodnya i zavtra». [V:] Yevangeliye. Perevod s drevnegrecheskogo svyashchennika Pravoslavnoy Tserkvi o. Leonida Lutkovskogo. Moskva: Druzhba narodov, 1991, 287–295]
- Мокиенко, Валерий М. «Русские библеизмы в европейском контексте». *Językoznawstwo* 12/1, 2018: 33–45.
- [Mokiienko, Valeriy M. «Russkiye bibleizmy v yevropeyskom kontekste». *Językoznawstwo* 12/1, 2018: 33–45]
- Толстой, Никита И. «Славянская фразеология sub specie этнографии». [В:] М. Basaj i D. Rytel (ed.) *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej IV*. Wrocław: Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1988, 15–25.
- [Tolstoy, Nikita I. «Slavyanskaya frazeologiya sub specie etnografii». [V:] М. Basaj i D. Rytel (ed.) *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej IV*. Wrocław: Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1988, 15–25]
- Яцевич, Ксения В. Библеизмы в чешском, русском и немецком языках. Кандидатская диссертация на соискания ученой степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2003.
- [Yatsevich, Kseniya V. Bibleizmy v cheshskom, russkom i nemetskom yazykakh. Kandidatskaya dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk. S.-Peterburg: SPbGU, 2003]
- Baláková, Dana, Viera Kováčová, Valerij Mihajlovič Mokienko. «Biblijska frazeologija z vidika jezikovnih uporabnikov ruščine (iz izsledkov sociolingvistične raziskave)». *Slavistična revija*, 68/2, 2020: 299–310]
- Treder, Jerzy. *Frazeologia kaszubska a wierzenia i zwyczaje (na tle porównaczym)*. Wejherowo: Muzeum Piśmiennictwa i Muzyki Kaszubsko-Pomorskiej, 1989.

Источники

- БМШ 2008–2009: Берков В. П., В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : ок. 5000 ед. : в 2-х т. (Т. I. А–М; – Т. II. Н–Я.) / под ред. С. Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009.
- [BMŠ 2008–2009: Berkov, V. P., V. M. Mokienko, S. G. Šuležkova. Bol’šoj slovar’ krylatykh slov i vyraženiĭ russkogo ŗzyka : ok. 5000 ed. : v 2-h t. (T. I. A–M; – T. II. N–Ja.) / pod red. S. G. Šuležkovej. – 2-e izd., ispr. i dop. – Magnitogorsk : MaGU; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009]
- Лепта 2018: Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, роман-

ских, армянском и грузинском языках: в 2 томах / под общ. ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко. Авторы-составители: З.К. Адамия, А.С. Алёшин, Д. Балакова, Х. Вальтер, Н.Ф. Венжинович, М.С. Гутовская, Д. Дракулич-Прийма, Е.Е. Иванов, Э. Коморовская, Э. Кржишник, А.С. Макарова, В.М. Мокиенко, А. Морпурго, Н. Прасолова-Милчовска, Н. Райнохова, М. Руис-Соррилья, А. Саркисян, Ж. Финк-Арсовски, протоиерей М. Чабашвили, Я. Шинделаржова. Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – Т. 1 : А – О; Т. 2 : П – Я.

[Lepta 2018: Lepta bibleyskoj mudrosti : russko-slavyanskiy slovar' bibleyskikh krylatykh vyrazheniy i aforizmov s sootvetstviyami v germanskikh, romanskikh, armyanskom i gruzinskom yazykakh: v 2 tomakh / pod obshch. red. Ye. Ye. Ivanova, V. M. Mokiyenko. Avtory-sostaviteli: Z.K. Adamiya, A.S. Alëshin, D. Balakova, KH. Val'ter, N.F. Venzhinovich, M.S. Gutovskaya, D. Drakulich-Priyma, Ye. Ye. Ivanov, E. Komorovska, E. Krzhishnik, A.S. Makarova, V.M. Mokiyenko, A. Morpurgo, N. Prasolova-Milchovska, N. Raynokhova, M. Ruis-Sorril'ya, A. Sarkisyan, ZH. Fink-Arsovski, protoiyerey M. Chabashvili, YA. Shindelartzhova. Mogilev : MGU imeni A. A. Kuleshova, 2018. – Т. 1 : А – О.; Т. 2 : Р – ЯА]

Мелерович, А. М., В.М. Мокиенко, А.Е. Якимов. Фразеология в русской поэзии XIX–XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии. Под научн. ред. В.М. Мокиенко. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016.

[Melerovič A. M., V.M. Mokienko, A.E. Jakimov. Frazeologija v ruskoj poezii XIX–XXI vv. Slovar': opyt leksikografičeskoj sistematizacii upotreblenij frazeologizmov v ruskoj poezii. Pod naučn. red. V.M. Mokienko. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2016]

Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Санкт-Петербург: (печатан в типографии Академии наук) – Т. 1, 1903. Т. 2, 1904.

[Mihel'son, M. I. Russkaja mysl' i reč'. Svojo i čužoje. Opyt ruskoj frazeologii. Sbornik obraznyh slov i inoskazanij. Sankt-Peterburg: (pečatan v tipografii Akademii nauk) – Т. 1, 1903. Т. 2, 1904].

СлРЯ XI–XVII вв.: Словарь русского языка XI–XVII вв. / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 1–31. Москва: Наука – Азбуквник. 1975–2019. (Издание продолжается)

[SIRJa XI–XVII vv.: Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. / Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN. Vyp. 1–31. Moskva: Nauka – Azbukovnik. 1975–2019. (Izdanie prodolžajetsja)]

СлРЯ XVIII в.: Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–23. Ленинград (Санкт-Петербург): Наука, 1984–2019. (издание продолжается)

[SIRJa XVIII v.: Slovar' russkogo jazyka XVIII v. Vyp. 1–23. Leningrad (Sankt-Peterburg): Nauka, 1984–2019. (izdanie prodolžajetsja)].

ТСБВС 2010: Лилич, Г. А., В. М. Мокиенко, О. И. Трофимкина. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц. Москва: АСТ, Астрель, 2010.

- [TSBVS 2010: Lilič, G. A., V. M. Mokienko, O. I. Trofimkina. Tolkovyj slovar' biblejskih vyraženiј i slov: ok. 2000 edinic. Moskva: AST, Astrel', 2010].
- DRWBF 2009: Walter, H., V.M. Mokienko. Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, Philosophische Fakultät, 2009.
- Walter, H., V.M. Mokienko. (K)Ein Buch mit sieben Siegeln. Historisch-etymologische Skizzen zur deutschen Phraseologie. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, Philosophische Fakultät, 2011.

Валериј М. Мокијенко

ИЗ ИСТОРИЈЕ СЛОВЕНСКИХ ФРАЗЕОЛОШКИХ БИБЛИЗАМА (*Земля обетованная/Обећана земља*)

Резиме

Преводи Библије извршили су значајан утицај на књижевне језике Словена. С једне стране, они су учвршћивали и ширили препознатљивост лексике и фразеологије условљену прасловенским пореклом. С друге стране, конвенционалне и друге разлике давале су свој печат тим преводима што је доводило до прилично велике диференцијације лексичко-фразеолошког фонда библизама у словенским језицима. У томе је веома важну улогу имала оријентација превода на књижевну или разговорну норму. Такве сличности и разлике показују се у чланку на примеру историје библијског фразеологизма *земля обетованная (обећана земља)*, који у руском језику има високу (књишку) стилску вредност и позитивну семантику, а у савременим публицистичким текстовима показује промену нивоа употребе јер постаје својеврсна новинарска перифраза која означава Израел као државу.

Кључне речи: словенски преводи Библије, библизми, крилатице, библијски израз *земля обетованная/обећана земља*.